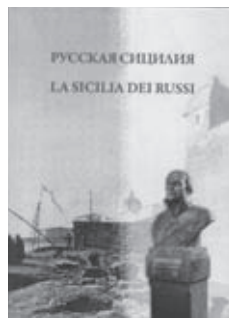

- 5 См.: Gablik S. Progress in Art. N.Y., 1976.
- 6 Напомним, что хотя первоначально Э. Панофски склонен был считать пейзаж жанром, «лишенным иконологии», т.е. символического содержания, позднее он разработал понятия «морализованного пейзажа» и «скрытого символизма» – понятия, весьма значительно возвышающие роль ландшафтных деталей в общем строе произведения.
- 7 Damisch H. Théorie du nuage: pour une histoire de la peinture. Paris, 1972. (Рус. пер.: Дамиш Ю. Теория облака. СПб., 2003.) См. также: Соколов М.Н. Время и место. Искусство Возрождения как первоворуж виртуального пространства. М., 2002 (гл. 7 – «Облака»).
- 8 Если не считать книги (к сожалению, малоизвестной): Woźniakowski J. Góry niewzruszone. O różnych wyobrażeniach przyrody w dziejach nowożytnej kultury europejskiej. Kraków, 1974.
- 9 Здесь особенно важно упомянуть книгу Ю. Балтрушайтиса, сына известного литовского поэта (Baltrušaitis J. Aberrations: quatre essais sur la légende des formes. Paris, 1957).

Русская Сицилия / La Sicilia dei russi / Серия «Русская Италия» / «Italia dei russi»

**Научный редактор и составитель
Михаил Талалай**

2-е издание, исправленное и дополненное
М.: Старая Басманная, 2013

Елена Степанян-Румянцева

И Я В АРКАДИИ РОДИЛСЯ

Заглавный афоризм – *Et in Arcadia ego fui* – глубоко затрагивает человека культуры, имеющего понятие об «Аркадии» как стране безоблачного счастья. Затрагивает, во-первых, в своем траурном значении – как напоминание о смерти, господствующей повсюду, и в блаженных краях также (слова «*Et in Arcadia ego fui*» прочитываются как реплика то ли самой смерти, то ли умершего – «И я тоже был(-а) в Аркадии, оставил(-а) там след»). Впрочем, эта фраза может трактоваться и иначе. Ее обнадеживающая интерпретация дается одним справочником: «Обычно употребляется в широком, далеком от изначального, смысле, когда говорящий хочет заявить о своей сопричастности к чему-либо, о принадлежности к какому-либо кругу лиц, о чем-либо (таланте, увлечении, интересах и пр.), что его с кем-либо объединяет и т.д.».

И я тоже, как многие сегодня, сопричастна сладости сицилийской жизни, *et in Sicilia ego fui*. О сопричастности тамошнему блаженству говорится и в раскрываемой нами книге. Русская историческая судьба, мягко говоря, разнообразна, и в те или иные эпохи к путешественникам, исследователям, художникам, эмигрантам чудный остров обращался разными своими ликами. Сицилия как хранилище античных воспоминаний, Сицилия как цель познавательных путешествий и научных исследований, Сицилия как источник вдохновения и она же как политическое убежище – эта разная Сицилия добросовестно отображена в сборнике. Представленное нам «собрание пестрых глав» объединяет одно: русский взгляд и русская судьба персонажей книги. Русский «всечеловек», как называл его Достоевский, породнился благодаря своей «всемирной отзывчивости» со всей землей – в том числе с драгоценным осколком Африки, прибывшимся к итальянскому берегу.

Происхождение этой примечательной книги – юбилейное: выпуск ее приурочен «к 10-летию со дня открытия 19 апреля 2003 г. Генерального консульства Российской Федерации в Палермо, столице самой южной области Италии». Генеральный консул РФ В.Л. Коротков в своем предисловии высказывается в связи с этим скромным юбилеем сдержанно-сердечно: «Оценивая значение открытия Генконсульства... невольно оглядываешься в прошлое и задаешься вопросом, насколько это событие стало важным в череде других исторических знаковых событий в отношениях России с югом Италии. Однако так уж устроена память человеческая, да, пожалуй, и государственная, что даже спустя годы проявляется стремление к преемственности добрых дел и к забвению зла».

«Преемственность добрых дел и забвение зла» – это, собственно, формула культуры, понимаемой широко, как всестороннее возделывание бытия. Преемственность традиций, приумножение блага – функции культуры. Если смотреть на Сицилию как на резервуар культуры, то с уверенностью можно сказать: да, этот край выполнил свое предназначение. Да и продолжает его выполнять.

Разве не об этом говорит составитель «Русской Сицилии» М. Талалай? «Сицилия, помимо природы, это и культура, более того – “перекресток культур”, утвердившийся на самом прекрасном из оснований – древнегреческом. Девиз Гете “Сицилия – ключ ко всему” надолго стал, в свою очередь, ключом для посетителей Острова в поисках красоты и знания. Античный лик Сицилии имеет и свое собственное имя – Тринакрия... для открытия и пропаганды которой так много сделали чуткие поклонники античности А. Норов и А. Чертков. Это особое для европейцев очарование отметил русский “ключарь” по Италии Павел Муратов: “Сицилия встречает сурово и затаенно, как настоящая заморская земля античного путешествия”. <...> Другое важнейшее основание Острова – византийское, к которому особенно чувствителен русский человек, наследник Второго Рима. <...> Однако на Сицилии греко-византийское наследие... обогатилось еще

римским, норманнским, арабским, анжуйским, испанским и многим иным, сформировавшим тут уникальную оригинальность. Итак, “природа плюс культурное достояние” – вот формула привлекательности Острова».

А для читателей формула привлекательности этой книги – в сочетании объективного, научного и лиричного, я бы сказала, жарко-субъективного подходов к сицилийскому материалу. Строгость исторических фактов, насыщенность архивными находками большинства статей совсем не исключают общего романтического колорита книги, могучего влечения к здешней красоте и к фантастическому здешнему укладу. Поэтому закономерно, что среди дипломатических отчетов и мелочно подробных личных записей русских путешественников конца XVII века встречаются и такие топорно-трогательные описания местных красот: «Потом приехали против города Далормина на Цицилийском острове. <...> Тот город стоит при море на верху высокой горы; город не велик, а зело красив, на веселоватом месте построен; строение в нем все каменное, изрядное. Около ево по горам леса мелкие и пашни, которые насеяны пшеницою».

«Зело красив, на веселоватом месте построен» – этим много сказано! Увлечение чужеземной красотой, рафинируясь и изощряясь от десятилетия к десятилетию, вызвало культу́ртрегерское движение, ориентированное даже не на Италию вообще, но именно устремленное к Сицилии. Культу́ртрегерское в том смысле, что сицилийская красота разными способами импортировалась на родину, в Россию. Это движение формировалось знатоками и ценителями, собирателями антиков, художниками, а также теми, кто покровительствовал искусствам, высокопоставленными заказчиками художественных произведений. Об этом – статья Людмилы Маркиной «“Мечта о солнце”»: Сицилия глазами русских художников XVIII – первой половины XIX века», об этом же – хотя сицилийская тема тут дана под другим углом зрения – статьи «Царская семья в Палермо» (автор – Ирина Пашинская), «Из Сицилии в Иерусалим. Путешествие Великого Князя Константина Николаевича в 1859 г.» (Кирилл Вах).

...Возвращаясь к первым русским впечатлениям от чудного острова, заметим, что и сицилийские ужасы тоже заслужили своего красочного упоминания в записках русских путешественников. «Близ того же города миль с десять, есть гора превысокая, именуемая Этна, которая горит великим пламенем, и выкидывает из нее огненные превеликие камни, и по той горе часто бывают источники огненные» (Алексей Кара-Мурза. «Первые русские путешественники на Сицилии: Борис Шереметев и Петр Толстой»). Как тут не вспомнить первое личное впечатление от Этны: осенний вечер, совсем темно, контур Этны почти неразличим, но ее вершина обвешана огненным серпом – из кратера ползет лава).

Может быть, именно сочетание красоты и опасности придает Сицилии тот колорит пронзительного очарования, который пленял русских художников (в широком смысле этого слова: живописцев, архитекторов, поэтов, любителей и ценителей прекрасного). Об этом – целый раздел

«Поэзия в странствии»: статьи, входящие в раздел, показывают, как впечатление от мессинского землетрясения 1908 года проникло в самую глубину сицилийских стихов Блока и Бунина; мистический и грозный иссиня-черный колорит тенистых сицилийских садов поразил молодую Цветаеву.

И если уж речь зашла об извержениях... В статье Татьяны Остаховой «Землетрясение 1908 г. и помощь российских моряков» мы читаем об исключительной самоотверженности, с которой корабли русского флота пришли на помощь терпящим бедствие мессинцам (кстати, корабли других флотов медлили сделать то же. Некоторые присоединились только после великодушного примера русских). Благодарность итальянцев была безмерна – с наших моряков не хотели брать платы в парикмахерских, в магазинах и трамваях. Но характерны и размышления о загадочной русской душе некоего иностранного корреспондента: «С первого взгляда они кажутся бессердечными, и все же они добры, как большие псы». Примечательно это чувство дистанции, отделяющее «просвещенного европейца» от русского с его безотчетным, почти животным – так, видимо, надо понимать иностранного журналиста, – состраданием всякому, кто терпит бедствие.

А между тем и пример помощи мессинцам, как любой из вышеприведенных, относящихся к истории искусства, дипломатии, научных исследований, – есть пример *культурного* взаимодействия народов. Пример той «комплиментарности», о которой много говорил в свое время Л.Н. Гумилёв. Мы всегда умиляемся ее проявлениями, отчасти потому, что ее вопиющим образом не хватает в окружающем холодном мире.

По крайней мере, книга о русской Сицилии напомнила нам о ней. Напомнила ничуть не тривиальную истину: все люди – братья. Такими они и были в счастливой Аркадии.

Плохо, если забудем об этой аркадской мечте человечества.